

Академик Я. А. Манандян

Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни¹

О греческой надписи, обнаруженной летом 1945 г. в Гарни, и о Гарнийском античном храме в последние годы опубликован целый ряд работ. Еще в сентябре 1945 г. в армянской газете „Советакав Айастан“ (Ереван, 23 сентября 1945 года, № 201) была помещена статья проф. С. Д. Лисицына „Греческая надпись Гарнийского храма“. Несколько позже новооткрытой надписи был посвящен мой доклад, прочитанный 22 апреля 1946 года на пленарном заседании юбилейной научной сессии Ереванского Государственного университета имени В. М. Молотова. Этот доклад „Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма“ издан в том же 1946 году в городе Ереване. В 1947 году в армянском журнале „Эчмиадзин“ (март—апрель, стр. 61—72) была напечатана статья А. Абрамяна „Гарнийская греческая надпись“, а в 1949 году был выпущен в свет отдельной книжкой доклад К. В. Тревер „Надпись о построении армянской крепости Гарни“ (Ленинград, 1949).

Кроме того, в 1946—1949 гг. вышли следующие три работы, посвященные датировке античного храма в Гарни: 1. Г. Левоняна— „Гарнийский языческий храм“ (на арм. яз.), Научные труды Ереванского Государственного университета, том XXIII (1946), стр. 349—365, 2. Н. М. Токарского— „Архитектура древней Армении“, отдельная глава, Ереван, 1946, стр. X—XI и 14—23; 3. К. В. Тревер— „К вопросу об античном храме в Гарни“, „Советская археология“, XI, 1949, стр. 285—304.

Должен отметить, что греческая надпись Гарни представляла для меня интерес как исторический памятник. Мое истолкование надписи имело, главным образом, исторический характер. Ее окончательное чтение должны дать, конечно, специалисты-эпиграфисты. В моей работе было поэтому подчеркнуто, что предложенное мною чтение надписи „может оказаться в том или другом пункте спорным“. Но все же я считал, „что общий смысл надписи разъяснен мною правильно“.²

Мои выводы, базировавшиеся на исторических данных и, в частности, на сведениях, сообщаемых о греческой надписи Тиридата III

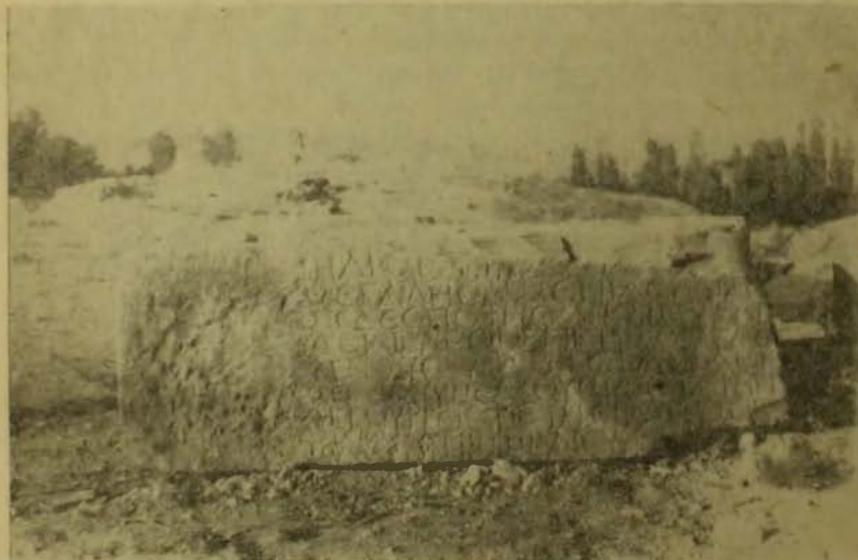
¹ Доклад, прочитанный 30-го октября 1950 г. на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР и Отделения общественных наук Армянской ССР, посвященной XXX годовщине установления советской власти в Армении.

² См. мою работу „Греческая надпись Гарни“, стр. 8 и 40—41.

(298—330 гг.) в Истории Армении Моисея Хоренского (II, 90), сводились к следующим положениям. Во-первых, я относил надпись не к Тиридату I, язычнику, как это утверждал в своей статье проф. Лисицян, а к Тиридату III Великому, при котором Армения приняла христианство. Во-вторых, мною было высказано мнение, что „крепость и храм Гарни были построены задолго до Тиридата Великого и что этот последний лишь восстановил их для своей сестры Хосровидухт“. В-третьих, я датировал надпись временем после утверждения в Армении христианства, т. е. после 315 г., и до смерти Тиридата III, последовавшей приблизительно в 330 г.¹

Эти положения, как будет конкретно показано ниже, несмотря на сделанные против них возражения, остаются в силе и, как мы увидим, подтверждаются данными и соображениями не только прежними, но и новыми.

Необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что текст Гарнийской надписи настолько дефектен и спорен, что при интерпретации допускает разные толкования. Подтверждением этому служат имеющиеся четыре перевода надписи, которые совершенно несхожи и явно противоречивы.

1. Перевод Лисициана — „Солнце Тиридат, недостойный деспот Великой Армении, выстроил крепкий дом для царицы от родного брата, выше большого царского дворца, под сенью богов для светских развлечений, обращающийся молениями к большой пещере... и радостный“.

¹ См. мою работу „Греческая надпись Гарни“, стр. 41—43

2. Предложенный мною перевод, — „Элий Тиридат, царь Великой Армении, властвуя в качестве верховного владыки, вновь построил храм, неприступный, для царевны, своей сестры, по просьбе великой царицы. Под покровом строения пусть священнослужитель слагает песнопения великому Святому и благодарение за благовестование“.

3. Перевод А. Абрамяна — „Солнцем озаренный Тиридат Великий, царь Великой Армении в качестве деспота; построил храм [посвященный памяти] царской дочери непобедимый брат в год одиннадцатый своего величественного царствования. Под сенью строения пусть священнослужитель обращается с молитвами к большой тещере и вместе с тем возносит молитву благожелания [в память] мученика“.

4. Перевод К. В. Тревер — „Гелиос! Тиридат Великий, Великой Армении государь. Когда властитель построил усадьбу царице (и) эту неприступную крепость в год одиннадцатый своего царствования, Менней, с соизволения Тэра, (как) литург великого стайапета и [в знак] благодарности, при Матее свидетеле (выкупил)“.

При изучении и комментировании надписи основное внимание всех авторов было обращено на то, которому из трех царей Тиридатов должна быть приписана надпись и к какому времени она относится. Как Лисицян и Абрамян, так и Тревер, отождествляют Тиридата надписи с современником императора Нерона, Тиридатом I, и относят надпись ко второй половине первого века нашей эры. Лисицян и Абрамян полагают, кроме того, что Хоренским эта надпись Тиридата I ошибочно приписана близкому ему по времени Тиридату III. На самом же деле, как было выяснено в моей работе, свидетельство Хоренского, находящееся в полном соответствии с содержанием новонайденной надписи, подтверждает принадлежность надписи не Тиридату I, а Тиридату III.

„Около этого времени [т. е. около 325 г.], — сообщает Хоренский, — Тиридат завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых камней, скрепленных железными скобами и свинцом. В ней он выстроил также летнюю дачу [„дом прохлады“] с колоннами, (украшенными) чудесной резьбой и горельефами, для сестры своей Хосровидухт, начертав в ней на память о себе надпись греческими письмами“.¹

Приведенное свидетельство Хоренского, который лично видел и читал новонайденную надпись, ценно именно тем, что оно, как мы увидим ниже, не только подтверждает, но и значительно восполняет текст дефектной Гарнийской надписи.

* * *

При комментировании содержания новонайденной греческой надписи наибольшие трудности представляло самое начало текста ΝΛΙΟΥΣ ΤΙΡΙΔΑΤΗΣ.

¹ Хоренский, II, 90.

В моей работе я предлагал истолковать имя НАИОС как Aelius и полагал, что Тиридат, который, как известно, будучи малолетним, был принужден бежать к римлянам и получил у них римское воспитание, мог быть назван там Элием. Это имя я считал его предименем (ргаепотеп) и не имел, конечно, основания полагать, что Тиридат III был назван Элием по родовому имени какого-либо римского императора III века.

Предложенное мною толкование слова "Ηλιος было признано маловероятным. Было сделано возражение, что имя Элий „было бы написано в надписи иначе, а именно Αἰλιος, но никак не с η, а тем более, если бы это было в IV веке, когда η читали как ι“.¹ Приведенное возражение правильно лишь в первой своей части. В эпиграфических текстах имя Элий, действительно, передается по-гречески Αἰλιος, и трудно, конечно, допустить, чтобы в начертании имени Тиридата III оказалась орфографическая ошибка. Явно ошибочна, однако, вторая часть возражения Тревер, так как в словах, заимствованных у греков, η произносилось в Армении как э в IV веке и даже позднее.²

Сама Тревер полагает, что в Гарнийской надписи упомянут бог солнца, Гелиос, являвшийся грецизированным именем „верховного божества древней Армении „Митра“. Она ставит поэтому под сомнение христианский характер надписи и утверждает, что надпись, бесспорно, относится ко времени Тиридата I. По ее мнению, слово "Ηλιος в начале надписи представляет обращение к богу Гелиосу-Митре, как это наблюдается обычно также и в греческих надписях. „Это же самое явление,—пишет она,—имело место на территории Армении за восемь веков до этого — в клинописных надписях царей Урарту“, а также „в средневековых армянских и иных христианских надписях“, которые начинались с упоминания верховного бога, „Халда могущественного“, или же начинались словами „во имя бога“, „во имя Христа“, „именем Христа“.³

С приведенным толкованием Тревер согласиться, конечно, нельзя. Совершенно невероятно, прежде всего, что надпись аршакидского царя Тиридата начиналась с упоминания Гелиоса, „греческого соответствия восточному Митре“. Ошибочно, несомненно, также предположение Тревер, будто древнеармянский бог Михр—Митра соответствовал греческому Гелиосу и был верховным божеством древней Армении. Как известно, у древних армян, как и в Аршакидской Парфии, верховным божеством был не бог Митра, а бог Арамазд—Ормузд, соответствовавший греческому Зевсу. Известно также, что древнеармянский бог Михр или Митра был тождественен не с Гелиосом, а с

¹ См. К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни, стр. 22.

² См. Н. Hübschmann, Armenische Grammatik, Leipzig, 1897, стр. 326.

³ Тревер, указ. соч., стр. 32—33.

сыном Зевса, Гефестом; Гелиосу же, двойником которого был Аполлон, соответствовал древнеармянский бог Тир.¹

Не соглашаясь с предположением К. В. Тревер, что Гарнийская надпись начинается с упоминания верховного бога Гелиоса—Митры, я считаю также неудачным и мое чтение имени Ἡλιος , как *Aelius*. Я предлагаю другое объяснение этого имени.

Работая над критическим изданием „Истории Вардана и Армянской войны“ Егише, армянский ученый Е. Тер-Минасян выяснил недавно, что в некоторых древнеармянских рукописях Истории Егише внук царя Тиридата III носит не имя Тиран, а двойное имя „Тиран-Трдат“. Основываясь на этом новом и неизвестном арменоведом факте, К. Мелик-Оганджян в своей интересной статье о Тиран-Трдате, помещенной в Известиях Академии наук Армянской ССР (1947, № 7, стр. 61), сделал любопытный вывод, что внук Тиридата III назывался „Тиран-Трдатом“ по имени своего деда. Нетрудно было поэтому заключить, что полное имя царя Тиридата III должно было быть также „Тиран-Трдат“.

Таким образом, как мы видим, слово Ἡλιος в начале надписи перед именем Τιριδάτης получает совершенно новое освещение. Гелиос или Солнце есть, очевидно, греческий перевод имени Тиран, тождественного с именем древнеармянского бога Тир, греческим соответствием которому был Гелиос—Аполлон. Нетрудно поэтому заключить, что Ἡλιος Τιριδάτης в начале надписи следует считать личным именем Тиридата III, означающим „Тиран-Трдат“.

В конце первой строки, где я восполняю $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$, Абрамян и Тревер предлагают читать $\delta\ \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$, как это засвидетельствовано в изданной М. И. Ростовцевым Апаранской надписи царя Тиридата.² С предложенным ими новым чтением, мне кажется, можно согласиться, так как косвенный намек на это имеется в историческом труде Моисея Хоренского. Как известно, ни один из древнеармянских историков Тиридата III не называет Великим. Этот эпитет дает Тиридату III впервые Моисей Хоренский.³ Поэтому можно с уверенностью предположить, что для титула Тиридата III „Великий“ источником Хоренскому служил эпитет $\delta\ \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ в Гарнийской греческой надписи.

В конце второй строки сохранившиеся буквы ANA... я считал возможным дополнить и читать ANA [$\Sigma\omega\text{N}$] „властвуя“. Абрамян чи-

¹ См. Л. Алишан, Древняя вера или языческая религия армян (на арм. яз.). Венеция, 1845, стр. 288—289; H. Gelzer, Zur armenischen Götterlehre, Sonderabdruck a. d. Berichten der Königl. Sachs. Gesellschaft der Wissenschaften, Sitzung vom 7 Dez. 1895, стр. 137; Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien, hrsgg. von Paul de Lagarde, Göttingen, 1887, стр. 65 и 68; Агафангел, армянский текст, гл. 108 (§ 778) и гл. 110 (§ 790); Моисей Хоренский, II, 14 и 49 и друг.

² См. М. Ростовцев, Апаранская надпись царя Тиридата, СПб., 1911, стр. 5—6 и 15.

³ Хоренский, II, 1, 42, 67 и 84; см. русский перевод Эмина, стр. 51, 92, 114 и 129.

тает ἀνα[κτος], а Тревер—ἀνα[κτωρ]. Исходя из контекста надписи, я считаю более вероятным предложенное мною чтение.

Второе слово третьей строки δεσπότης является, как я полагаю, переводом термина феодальной Армении „тэр“, означающего „господин, владыка, суверен“. Греческие авторы и, в частности, Геродот „деспот“-ами называют персидских царей. Как видно из греческой надписи Тиридата III на городских стенах Тигранакерта, ошибочно приписанной Леман-Гауптом армянскому царю Папу,¹ подчиненное верховной власти царя „тэра“ население Армении—„нахарар“-ы, „азат“-ы и „рамик“-и,—назывались δοῦλοι, т. е. его „слугами“. Слово δεσπότης я предлагал перевести „верховный владыка“.

В третьей строке надписи слово ΑΙΚΤΙΣΕ я считал возможным читать и толковать как α[ῦ][ξ] κτισε „вновь построил, восстановил“. Повидимому, и Моисей Хоренский, видевший эту надпись, считал Тиридата III, как правильно предполагает Алишан,² не строителем построек в Гарни, а их реставратором. „Около этого времени,—сообщает Хоренский в своем вышеприведенном свидетельстве,—Тиридат завершил [т. е. восполнил] постройку крепости Гарни“. Такое понимание текста Хоренского подтверждается заглавием соответствующей девяностой главы, неправильно переведенным Эмином. В русском переводе Эмина заглавие этой главы в соответствии с другими аналогичными заглавиями второй книги (II, 27—„Построение города Эдессы“, II, 37—„Построение города Ервандашата“, II, 49—„Построение города Арташата“) переведенно „Построение Гарни“. В действительности же, подлинный текст заглавия имеет совершенно иное содержание и в переводе гласит: „О том, какие имеются в Гарни постройки“. Более чем вероятно поэтому, что Хоренский построение Гарни не приписывал Тиридату III.

Не соглашаясь с предложенным мною вышеприведенным чтением, Тревер начальные две буквы слова αῦκτισε приписывает неграмотности автора надписи, а Абрамян считает это не орфографической ошибкой, а диалектической особенностью вместо ξκτισε. Этот вопрос, как видим, является спорным и должен быть разрешен эпиграфистами-классиками.

Как бы то ни было, если даже признать αῦκτισε орфографической ошибкой вместо ξκτισε „построил“, едва ли можно сомневаться в том, что крепость Гарни и, повидимому, также и находившиеся в ней античные строения существовали до Тиридата III и этот последний был не строителем, а лишь реставратором этих строений. Это видно, как было указано нами, из сообщения Тацита (Ann. XII, 45), который свидетельствует, что еще в 51 году нашей эры Гарни был неприступной крепостью, и в ней (in castellum Gorneas) укрылся царствовавший в Армении Митридат, на которого напал племянник

¹ См. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, I, 1910, стр. 410—419.

² Алишан, Айратат, Венеция, 1890, стр. 363.

его, Радамист. По всей вероятности, еще в то время внутри крепости находились и те античные постройки, развалины которых сохранились до наших дней.

В конце третьей строки надписи после $\alpha\lambda\chi\tau\iota\sigma\zeta$ сохранились две буквы NA... , которые дополнены и прочитаны Лисицяном и мною NA (ON) . Однако Тревер совершенно правильно указывает, что после NA... заметна на фотографии надписи вертикальная прямая палочка, которая не может быть частью буквы σ . Считая палочку после NA за I , Абрамян предлагает читать вместо $\nu\alpha[\acute{o}\nu]$ $\nu\alpha:[\delta\iota\omicron\nu]$ и переводит это слово как „храм“. Совершенно иначе читает это же слово Тревер. Оставив ν в конце слова $\alpha\lambda\chi\tau\iota\sigma\zeta\nu$ и читая следующую букву A с палочкой как AG , она восполняет дефектное слово как $\chi\gamma[\rho\omicron:\chi\acute{\iota}\alpha\nu]$ „загородное поместье, усадьба“. Она считает возможным и другое восстановление, дающее созвучный и равнозначный армянский термин „агарак“.

Привиденное толкование Тревер я считаю не только спорным, но и явно ошибочным. При внимательном рассмотрении фотоснимка надписи нетрудно убедиться, что в конце третьей строки палочка после A не греческая буква Gamma , а I . Кроме того, как видно из размера камня по сохранившейся задней ее стороне, крайне сомнительно, чтобы слово $\text{AG}[\rho\omicron\kappa\iota\alpha\nu]$ могло уместиться на краю камня. Совершенно невероятно также, чтобы постройка, выстроенная Тиридатом для царевны внутри крепости, расположенной на небольшом мысу, называлась $\alpha\gamma\rho\omicron\chi\acute{\iota}\alpha$ или „агарак“.

В противоположность приведенным толкованиям, а также предложенному Лисицяном и мною ошибочному восполнению $\text{NA}[\text{ON}]$, я предлагаю новое, возможное и более вероятное чтение $\text{NA}[\text{CKON}]$, что означает „часовня, домовая церковь, капелла“ ($\nu\alpha\acute{\iota}\sigma\chi\omicron\varsigma, \acute{\alpha}$)¹. Помоему, если иметь в виду, что Гарнийский храм имел общий размер $12 \times 19 \text{ м}$, а обычные размеры эллинистических храмов составляли приблизительно $50 \times 100 \text{ м}^2$, то нетрудно сделать вывод, что этот храм был в действительности „капеллой“ или „часовней“.

В четвертой строке после слова BACIAC(C)A „царевне“ читается отчетливо TON ANIKHTON „непобедимый“. Это слово, как я указывал в моей работе, относится к храму или вернее к „капелле“, т. е. к $\nu\alpha\acute{\iota}\sigma\chi\omicron\nu$. Повидимому, храм назван непобедимым, так как находился в неприступной крепости. Было бы заманчивым предположить, что царевна Хосровидухт, для которой был восстановлен античный храм, после восстания и убийства царя Хосрова II оборонялась и победоносно боролась против повстанцев не в дараналийском Ани, лежавшем около границ Римской империи, а в крепости Гарни. В этом случае получил бы осмысленное освещение кажущийся странным эпитет храма „непобедимый“.

¹ W. Pape's, Griechisch-deutsches Handwörterbuch, zw. Ausg., Braunschweig, 1888.

² См. В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, Москва, 1949, стр. 284.

Совершенно иначе объясняет этот эпитет К. В. Тревер. По ее мнению, слово „непобедимый“ относится к следующему слову, начинающемуся с КАС..., которое она восполняет как КАС [TPON] „замок, крепость“. Думаю, что трудно согласиться и с этим толкованием Тревер. Сомнительно, прежде всего, существование слова поздней византийской эпохи *κάστρον* во второй половине первого века нашей эры, т. е. в эпоху Тиридага I, которому Тревер приписывает надпись. Совершенно невероятно также и предположение Тревер, будто грамматическая ошибка *τὸν ἀνίκητον κάστρον* вместо *τὸ ἀνίκητον κάστρον* объясняется тем, что слово *ἀνίκητον* начинается с гласной буквы.

Слово *τὸν ἀνίκητον* относит к следующему слову, начинающемуся с КАС..., также и Абрамян, но он, восполняя и читая это дефектное слово КАС [IN], *τὸν ἀνίκητον κάστρον* переводит в именительном падеже „непобедимый брат“, что, конечно, недопустимо.

Совершенно иначе было истолковано это слово в моей работе. Я предлагал восполнить и читать КАС... КАС [EI] „сестре“. Предположение это, как нетрудно убедиться, находит свое подтверждение в вышеприведенном свидетельстве о Гарнийской надписи Моисея Хоренского. Ведь совершенно очевидно, что о восстановлении Тиридатом III крепости и храма для своей сестры, т. е. КАС [EI], Хоренский мог знать лишь из греческой надписи, которую, как было указано выше, он лично читал.

Первое слово пятой строки я читал A[Y]TOY и относил его к *κατ* [ε:]—„сестре своей“. Должен, однако, отметить, что на камне отчетливо читается AΠOY. Полагаю, что чтение *αὐτοῦ* более вероятно, так как таков смысл слова по контексту.

Последние три слова пятой строки и первое слово шестой строки я читал *ἐ[ξ] ἄ[ν]της βασιλεί[ας] με[γαλ]ε(ί)ας* и переводил „по просьбе великой царицы“. В толковании этом, как отмечали мои оппоненты, вызывает сомнение *ἐξ ἄντης* „по просьбе“. Слово *ἄντη* „просьба“, указывали они, имеется только у писателя византийской эпохи Исихия, но в древней литературе не встречается. По их мнению, *ἄντη* было чрезвычайно редким словом. Возражение это, несомненно, серьезное. Лисицян, как известно, предлагал эту часть надписи читать *ἐξάν τῆς βασιλεί[ας] με[γαλ]εας* „выше большого царского дворца“. С толкованием этим согласиться, конечно, невозможно, так как слова *ἐξάν* „выше“ в греческом языке не существовало. Но Лисицян, быть может, прав в том, что речь идет в данном случае о местоположении храма. Думаю, что возможно дать этому отрывку другое толкование, а именно: *ἐ[ξ] ἄ[ν]της βασιλεί[ας] με[γαλ]ε(ί)ας* „вне великого царского домена“. В двухтомном словаре Папе слово *ἐξάντης* переведено „вне кругозора“ [„ausserhalb des Gesichtskreises“], а под словом *βασιλεί[ας]* в надписи подразумевается, вероятно, аршакидская сениория в отличие от княжеских владений. В моей работе о Гарнийской надписи было отмечено, что область Гарни

находилась в то время не в непосредственном управлении Тиридата III, а в ленном владении какого-либо нахарарского рода.

Должен отметить, что приведенное новое чтение означенного отрывка резко расходится от чтений Абрамяна и Тревер. В конце четвертой строки, там, где у меня КАС[EI], Абрамян читает КАС [IN ENI] и объясняет по-новому также шестую и начало седьмой строки. В этом отрывке надписи он усматривает дату надписи, выделенную с помощью точек, и читает текст следующим образом: (ἐν) αἰτούς. αἰ. τῆς βασιλείας με[γαλ]ε(!)ας „в год одиннадцатый своего пышного царствования“. Приблизительно такое же толкование дает шестой строке К. В. Тревер. Первое слово пятой строки она читает αἰτούς и считает такое чтение неграмотной передачей родительного падежа слова ετος „год“. После цифры αἰ, по ее мнению, стоит в родительном падеже τῆς βασιλείας (ας) „царствования [этого]“. Таким образом, всю пятую строку она читает почти так же, как и Абрамян: αἰτούς. αἰ. τῆς βασιλείας — „в год одиннадцатый (своего) царствования“.

Несмотря на заманчивость вышеприведенных чтений, дающих точную дату надписи, как это усмотрел первым Абрамян, с этими чтениями трудно согласиться по целому ряду соображений.

Предложенные Абрамяном восполнения текста сомнительны, прежде всего потому, что дополнения КАС [IN ENI] и ΒΑΣΙΛΕΙ[ΑΣ ΑΥΤΟΥ] слишком длинны и, как нетрудно усмотреть, не могли бы уместиться в соответствующих строках. Трудно также допустить, чтобы составитель надписи настолько плохо владел греческим языком, что ошибочно написал ἐν αἰτούς в винительном падеже множественного числа или αἰτούς вместо ἔτους. Едва ли вероятны также предложенные Абрамяном чтение и перевод слов „своего царствования пышного“.

Против толкований Абрамяна и Тревер можно привести возражения и общего характера. Мне кажется, представляются спорными и проблематичными попытки установить дату Гарнийской надписи, принадлежавшей, как мы видели, Тиридату III, по числу лет царствования этого царя. Как известно, в Апаранской надписи, относящейся к 308 году, т. е. к одиннадцатому году правления Тиридата III (298—330), дата надписи указана не по числу лет его правления, а по Селевкидской эре.¹

Как было сказано выше, согласно свидетельству Моисея Хоренского, относящего Гарнийскую надпись к двадцатым годам IV столетия, а также и содержанию самой надписи, я считал возможным в моей вышеуказанной работе датировать надпись 315—330 г., т. е. временем после утверждения в Армении христианства и до смерти Тиридата Великого, последовавшей приблизительно в 330 г. Таким образом, как мы видим, чтение пятой строки надписи — „в год одиннадцатый (своего)

¹ См. М. Ростовцев, Апаранская греческая надпись царя Тиридата, СПб., 1911, стр. 25—29.

царствования"—находится в противоречии и с приведенной датировкой, свидетельствующей, что, в действительности, надпись не могла быть составлена раньше второй половины царствования Тиридата III (298—330), т. е. раньше двадцатых годов IV века.

Первое слово шестой строки, которое Лисицяном, мною и Абрамяном прочитано и переведено $\mu\epsilon[\gamma\alpha\lambda]\epsilon(\iota)\alpha\varsigma$ „величественного, великого“ и отнесено к $\beta\alpha\sigma\iota\epsilon\iota(\alpha\varsigma)$, Тревер предлагает читать $\text{ME}[\text{NN}] \text{EAC}$, полагая, что с этого слова начинается новое предложение. Согласиться, однако, с этим чтением очень трудно, так как существование имени Менней в Армении не засвидетельствовано в произведениях древнеармянской литературы. Тревер указывает, что сходное имя носил начальник конницы *Mopaesos*, который сопровождал Тиридата I в походе против Тиграна V.¹ „Может быть,—полагает она,— в латинской транскрипции это имя звучало *Mopaesos*, а в греческой на территории Армении Μεννέας “.² Нетрудно, однако, видеть, что сомнительно и малоубедительно и это предположение Тревер.

В противоположность этому толкованию в моей работе я полагал, что новое предложение начинается после первого слова шестой строки, т. е. после $\mu\epsilon[\gamma\alpha\lambda]\epsilon(\iota)\alpha\varsigma$. Исходя из этого предположения и вышеизложенной новой интерпретации текста надписи, я считаю наиболее вероятным, что первая часть надписи может быть восполнена и переведена следующим образом:

1. Ἦλιος Τίρι[δάτης ὁ μέγας]
2. Μεγαλῆς Ἀρμενίας ἀνα[σσων]
3. ὡς δεσπότης αἰχτίσε ναι[σχιον]
4. βασιλίσ(σ)α τὸν ἀνίκητον κασ[ει]
5. αἴτου (?), ἐ[ξ] ἄντης βασιλεί[ας]
6. $\mu\epsilon[\gamma\alpha\lambda]\epsilon(\iota)\alpha\varsigma$.

„Тиран Тиридат Великий Великой Армении, властвуя в качестве верховного владыки, воздвиг часовню царевне, непобедимую, сестре своей, вне великого царского домена“.

Более сложной является вторая часть надписи. Последние три слова шестой строки я предлагал читать $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}\ \acute{\epsilon}[\xi]\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\ \sigma\tau\epsilon\ \gamma[\acute{\upsilon}]\acute{\alpha}\nu[\omicron\upsilon]$ „под покровом здания“. Эти же слова Лисицянин читает $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\sigma\iota\ \acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\epsilon}\iota\alpha\nu$ и переводит „под сенью богов для светских развлечений“, а Тревер— $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}\ \acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \tau\epsilon\iota\alpha\rho\acute{\iota}\omicron\upsilon$ „с соизволения тэра“. Совершенно очевидно, что ошибочны как чтение, так и перевод Лисицянина, так как в тексте надписи первые два слова $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}\ \acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$ читаются отчетливо и не вызывают сомнения. Думаю также, что невозможно признать удачным в вышеприведенном чтении Тревер загадочное и сомнительное слово $\tau\epsilon\iota\alpha\rho\acute{\iota}\omicron\upsilon$, которое она считает транскрипцией древнеармянского термина „тэр“, означающего „глава рода“ или „владыка области“. Как было указано выше, древнеармянскому термину „тэр“ соответствует во второй строке надписи слово $\delta\epsilon\sigma\pi\acute{o}\tau\eta\varsigma$. Совершенно

¹ См. Тацит, *Анн.*, XV, 24—5.

² См. Тревер, *указ. соч.*, стр. 36.

невероятно поэтому, чтобы этот же термин в шестой строке надписи был передан древнеармянским термином „тэр“ в транскрипции греческими буквами. Невозможно также предположить, что на выкуп участка царской крепостной стены в Гарни требовалось „соизволение“ местного „тэра“, который являлся родовым владыкой области Гарни.

Возражение Тревер против моего толкования, как нетрудно убедиться, основано на явном недоразумении. По ее мнению, „ὕπὸ ἐξουσίας“ — определенная формула, «которая не обозначает „покрова“». На самом же деле ἐξουσία не только означает „соизволение“, но также „мощь, могущество“, а ἐπὶ ἐξουσίας εἰρήνης в словаре Бензелера переведено „под защитой мира“ („unter dem Schutze des Friedens“).¹ Предложенное мною чтение ὑπὸ ἐξουσία στεγανου, как видим, буквально означает „под защитой (т. е. мощью) кровли“.

Первое слово седьмой строки читается совершенно ясно λιτουργός. В моей работе о Гарнийской надписи было указано, что имеющиеся в 7-й, 8-й и 9-й строках слова—λιτουργός (=λειτουργός) „служитель, священнослужитель“, εὐχαριστία „благодарение“ и μαρτύριον „свидетельствование, благовествование, проповедь Евангелия“ — употребительные в церковно-христианских произведениях поздних времен, определенно подтверждают, что Гарнийская надпись должна быть отнесена к эпохе не Тиридата I, а Тиридата III Великого.

В противоположность приведенному толкованию, К. В. Тревер считает более вероятным, что название λιτουργός „литург“ носило „лицо, за свой счет выполнявшее определенные задания в пользу государства, ту или иную литургию“. В тексте Гарнийской надписи литургом назван, как она полагает, Менней, взявший на себя литургию, а именно — постройку части крепостной стены. По ее мнению, литург Менней, судя по надписи, был подчинен верховному военачальнику Армении, „великому спайапету“. Так как слово λιτουργός, указывает она, требует после себя дательного падежа, поэтому в надписи вместо λιτουργός τοῦ μεγάλου σ[παιαπέτου] сказано λιτουργός τῷ μεγάλῳ σ[παιαπέτῳ].

Думаю, что и эта аргументация Тревер неосновательна и неубедительна. Мне представляется, прежде всего, невероятным, чтобы стены небольшой царской крепости Гарни, воздвигнутые для защиты участка и крепостных построек площадью всего около трех гектаров, строились или выкупались при помощи литургий отдельными состоятельными лицами. Невероятно также, чтобы оплата стоимости небольшой площади крепостной стены производилась „с соизволения тэра“, по распоряжению „великого спайапета“ и при особом свидетеле, как это полагает Тревер. Совершенно непонятно, кроме того, предположение Тревер, что λιτουργός τῷ μεγάλῳ σ[παιαπέτῳ], т. е. буквально

¹ Griechisch-deutsches Schulwörterbuch von Dr. G. E. Benseler, восьмое издание, 1886.

„литург великому спайапету“ может быть истолкован и переведен „литург великого спайапета“.

Последнее слово седьмой строки, которое Лисицян и Абрамян восполняют С [ΠΗ] и переводят „пещере“, а Тревер—С [ΠΑΙΑΠΕΤΩ] „спайапету“, я предлагал читать, без полной уверенности, С [ΕΜΝΩ] „святому“. Я полагал, что это спорное слово должно было иметь приблизительно такое или же аналогичное значение. Возможно, однако, и другое толкование. Под τῷ μεγάλῳ, быть может, следует подразумевать Тиридата Великого и возможно, что ему именно священнослужитель должен был во время богослужения испрашивать благополучие и изъявлять благодарность за распространение христианства.

Первые слова восьмой строки, которые я читал με [λε] α ματή- [τ]ω, Лисицян читает μετα ματημο [?], Абрамян—μετὰ ματήμι. а Тревер—μετὰ Ματῆ „с Матеем“. Первые два чтения, несомненно, ошибочны и в контексте никакого смысла не дают. Сомнительно также чтение Тревер. Помимо того, что существование имени Матей не засвидетельствовано в древнеармянских источниках, это имя не могло иметь в родительном падеже окончания η. Должен отметить, что некоторые оппоненты спорным считали и мое толкование. Они полагали, что эолийская форма μάτημι вряд ли возможна в Гарнийской надписи, так как она не засвидетельствована в литературе и является лишь конъектурой.

Как мы видим, ни одно из вышеприведенных чтений начала восьмой строки не может считаться бесспорным и вероятным. Поэтому решающее слово в этом вопросе должно принадлежать эпиграфистам-классикам.

По мнению Тревер, первые слова шестой, восьмой и девятой строк—Μεννέας, μετὰ Ματῆ и τοῦ μαρτύριου, т. е. „Менней, с Матеем свидетелем“—вписаны позднее другой рукой на заранее подготовленном месте надписи. Как указывает она, в этих словах обращают на себя внимание следующие обстоятельства: 1) буквы в них несколько меньшего размера, чем остальные буквы надписи; 2) несколько иначе написана буква ε, она не округлых [ε], а прямоугольных очертаний [Ε], и 3) последние буквы слова Μεννέας поставлены как-то криво и меньше по размерам, чем четыре первых, и точно втиснуты.

Нетрудно, однако, убедиться, что приведенная аргументация Тревер вовсе не подтверждает ее вывода. Мне кажется, что указания Тревер свидетельствуют не о том, что некоторые слова вписаны в текст другой рукой позднее, а лишь о том, что надпись вырезана не одним, а двумя резчиками. Мы уже видели выше, что предложенное Тревер чтение „Менней... при Матее свидетеле“ не может считаться удачным, так как существование в древней Армении имен „Менней“ и „Матей“ более чем сомнительно. С интерпретацией Тревер нельзя согласиться и потому, что греческое слово μαρτύριον вовсе не означает „свидетель“, допустить же в этом слове возможность

грамматической ошибки, а именно—*μαρτυρίου* вместо *μάρτυρος* или *μαρτύρου*, как это предполагает Тревер, едва ли вероятно.

Последнее слово восьмой строки, которое Лисицян и Тревер читают *εὐχαριστοῖς* „радостный, благодарный“, а Абрамян—*εὐχαριστίαν εὐχίην* „благожелания молитву“, я предлагал читать *εὐχαριστίαν* „благодарение“.

Далее, в девятой строке отчетливо читается слово *τοῦ μαρτυρίου*, которое Тревер переводит „свидетелем“, Абрамян—„мученика“, а я предлагал перевести „благовествование“.

Вторая часть надписи нуждается, несомненно, в дальнейшем изучении. Думаю, что наиболее осторожным будет пока следующее чтение этой части надписи.

6. . . . Ὑπο ἐξουσία στε[γ]αν[ου]
7. λειτουργός τῷ μεγάλῳ σ [. . .]
8. με [.] α ματη [.] ω καί εὐχαρ [. . .]
9. τοῦ μαρτυρίου.

„Под покровом стрсения (буквально: „под защитой кровли“) пусть священнослужитель великому . . . и благодарение за благовестование“.

Хотя точное содержание второй части надписи не совсем ясно, тем не менее, как нетрудно видеть, имеющиеся в этой части слова *λειτουργός*, *εὐχαριστία* и *μαρτύριον* определенно указывают, что надпись должна быть отнесена ко времени после принятия Тиридатом III христианства.

* * *

Перейдем к рассмотрению тех положений и взглядов о надписи и храме Гарни, которые находятся в противоречии с моими выводами. Прежде всего следует отметить, что Лисицян и Абрамян, хотя и считают Гарнийскую греческую надпись той надписью, которую видел и читал Моисей Хоренский, но указывают, что надпись Хоренским ошибочно приписана Тиридату III. Предполагая, что в надписи говорится о постройке античного храма современником римского императора Нерона, Тиридато I, они, как мы видим, примыкают к точке зрения архитектора Н. Буниатяна, который пришел к этому заключению путем археологически-архитектурного изучения стилистических особенностей храма. Как сам Буниатян, так и придерживающиеся его точки зрения исследователи, считают вероятным, что Гарнийский храм был построен римскими мастерами и художниками, которых привез с собою в Армению ездивший в Рим для получения царского венца Тиридат I.¹

В моей работе „Греческая надпись Гарни“ я указывал, однако,

¹ См. Н. Буниатян, Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933, стр. 16—18; Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, стр. 15.

что исследователи, относящие античные постройки Гарни к эпохе Армянских Аршакидов, совершенно упустили из виду, что и Гарнийская крепость и, вероятно, также находящийся в ней храм, существовали до Тиридата I (66—приблиз. 100 гг.). Еще в 51 году нашей эры, как свидетельствует Тацит, в недоступной крепости Гарни (*castellum Gorneas*) оборонялся от напавшего своего племянника Радамиста царствовавший в Армении брат царя Иберии Фарасмана, Митридат. Еще в то время, как я полагал, внутри крепости Гарни находились и дворцовые постройки, и языческий храм, которые были сооружены, как и крепость, из огромных тесаных базальтовых камней, скрепленных железными скобами.

В противоположность мнению Лисицына и Абрамяна, Токарский хотя и считает строителем античного храма в Гарни Тиридата I, однако, полагает, что свидетельство Хоренского о построении Тиридатом III „дома прохлады“ для своей сестры относится не к храму, а к дворцу, остатки которого, по его мнению, скрыты еще под землей. „Не имея оснований,—пишет он,—сомневаться в правдивости свидетельства нашего автора, мы не можем допустить, чтобы он спутал храм с дворцом, тем более, что сам указывает и лицо, для которого последний был построен“. Токарский поэтому допускает, что в развалинах дворца может быть „найден именно та надпись, которая в свое время послужила Моисею Хоренскому источником для его сообщения о строительстве в Гарни“.¹

Иное мнение по этому же вопросу высказывает в своих работах Тревер. В противоположность мнению Токарского, она указывает, что Хоренский видел и читал в Гарни именно новонайденную греческую надпись, в которой сообщалось, однако, не о постройке Тиридатом храма, как это полагали Лисицын и Абрамян, а неприступной крепости и усадьбы. Хоренский, полагает она, добросовестно записал сведения надписи в своей Истории Армении, но ошибочно приписал надпись Тиридата I Тиридату III.² Кроме того, основываясь на заключительной части вышеприведенного свидетельства Хоренского, в которой говорится, что Тиридат начертал надпись на память о себе „греческими письменами“, Тревер считает возможным сделать также и другое предположение. Она полагает, что, при систематических раскопках будет найдена, вероятно, и другая надпись с именем Тиридата, написанная греческими буквами, но на языке армянского народа.³ Совершенно по-новому Тревер объясняет также

¹ См. Токарский, указ. соч., стр. 20. Должен отметить, что К. В. Тревер („Надпись о построении армянской крепости Гарни“, стр. 37, прим. 1), неправильно ссылаясь на страницу 9-ую моей работы, приписывает мнение Токарского также и мне, между тем как нигде и никогда такого предположения я не высказывал. Я утверждал, напротив, что источником вышеприведенного свидетельства Хоренского о строительстве Гарни послужила новонайденная греческая надпись.

² Тревер, указ. соч., стр. 36—37.

³ Там же, стр. 39.

вопрос о времени построения Гарнийского храма. Она утверждает в другой своей работе, что этот античный храм был построен для статуи обожествленного императора Траяна значительно позднее крепостных стен и дворца Гарни, а именно в 115—117 гг. нашей эры, когда Армения была обращена при Траяне в римскую провинцию.¹

На наш взгляд приведенные выводы как Токарского, так и Тревер, спорны и малоубедительны. Предположение Токарского, что Тиридатом I был построен в первом веке античный храм, а Тиридатом III в четвертом веке летний дворец для царевны Хосровидухт, не может быть признано удачным, прежде всего потому, что в вышеприведенном свидетельстве Хоренского „под домом прохлады с колоннами, чудесной резьбою и горельефами“ подразумевается, очевидно, не здание дворца, а античного храма. Совершенно был прав поэтотому Н. Я. Марр, предполагавший, что Хоренский жил в то время, когда храм принимался за дворец.² Как известно, также и в позднейшее и даже в новейшее время Гарнийский храм обычно считали „чудными хоромами великого Тиридата“³ или же его „приемной залой“.⁴

Думаю, что шатки и крайне сомнительны также и вышеприведенные выводы Тревер. Мы уже видели выше, что неприступная крепость Гарни и, очевидно, постройки для жилья внутри крепости, существовали, как сообщает Тацит, в 51 году нашей эры, т. е. до воцарения Аршакидов в Армении. По мнению Тревер, во время нашествия Корбулона был разрушен не только город Арташат (в 59 г. н. э.), но и царская крепость Гарни. После того, полагает она, Тиридатом I были восстановлены укрепления крепости и был, кроме того, построен в 77 году дворец, летняя резиденция царя, как это видно из содержания Гарнийской греческой надписи.

Приведенное предположение Тревер, по моему, столь же сомнительно, как и ее вышеприведенное чтение надписи.

Как нам известно, Тацит, который пользовался как источником письменными донесениями самого Корбулона и который подробнейшим образом описывает в своих *Анналах* поход Корбулона (в 58—59 гг.) и перечисляет все взятые им крупные и мелкие крепости, в числе их не упоминает царской крепости Гарни. Как сообщает Тацит, римскими войсками были взяты на пути из Багавана в Арташат крепость Воланд (*castellum Vollandum*) и несколько других укреплений (*Ann. XIII, 39*), на пути из Арташата в Тигранакерт

¹ См. Тревер, К вопросу об античном храме Гарни, „Советская Археология“, XI, 1949, стр. 296—297.

² Архив Марра, рук. А 1781, л. 53, см. Тревер, К вопросу об античном храме Гарни, стр. 296.

³ См. Тревер, указ. соч., стр. 296.

⁴ См. Т. Тораманян, *Материалы по истории армянской архитектуры*, Ереван, 1946, стр. 83, 85, 261, 282, 357.

была взята одна из двух крепостей, занятых армянами (Анн. XIV, 24), а именно—Багаван или Цумб, а в районе близ Тигранакерта—крепость Легерда (Анн. XIV, 25). Совершенно очевидно поэтому, что у нас нет достаточных оснований полагать, что крепость Гарни была разрушена в 58 или 59 году вместе с Арташатам. Шаткость предположения Тревер несомненна также и потому, что в Гарнийской греческой надписи, как мы видели выше, речь идет не о восстановлении Тиридатом I крепости и постройки им летней резиденции в Гарни, а о восстановлении Тираном—Тиридатом III храма часовня.

Нельзя согласиться и с выводом Тревер, будто в свидетельстве Хоренского слова „надпись греческими письменами“ (hellenakaprov) могут означать надпись „греческими буквами, но не на греческом, а на армянском языке“.¹ Она полагает, что в Гарни может быть найдена и эта надпись с именем Тиридата. На самом же деле, как нетрудно видеть, под выражением „надпись греческими письменами“ Хоренский подразумевает новонайденную греческую надпись, которую он сам видел и читал. Такая же надпись „эллинскими письменами“, т. е. на греческом языке, упоминается и в другом свидетельстве Хоренского (II, 65), где он говорит, как после победы над северными народами Хосров I „в знак господства своего воздвиг колонну с греческой надписью (буквально „с эллинскими письменами“), как доказательство зависимости от римлян“.²

Мнение Тревер о времени сооружения Гарнийского храма столь же сомнительно, как и ее предположения относительно Гарнийской надписи. „Объявление Армении провинцией,—пишет она,—должно было повлечь сооружение храма для статуи Траяна, и естественнее всего было воздвигнуть такой храм в крепости, где стоял римский гарнизон [а стоял он там (т. е. в Гарни), по словам Тацита, уже в 51 г.“]³ Очень трудно согласиться и с этим предположением Тревер. Правда, в 114 году Армения была обращена в римскую провинцию, однако, как теперь выяснено; римлянам не удалось укрепить свою власть в северной Армении, и уже в 116 году в этой части Армении вспыхнуло восстание и был провозглашен там царем Вагарш I. Крайне сомнительно, конечно, чтобы античный храм мог быть построен в это смутное время и в столь короткий промежуток времени.

Необходимо отметить, что приурочение Гарнийской надписи Тиридату III не только подтверждается чтением и переводом текста самой надписи, но представляется почти бесспорным и по иным соображениям.

В связи с тем, что в Гарнийской надписи дается, как мы предположили, Тирану Тиридату III эпитет Великого, следует вспомнить, что этот же эпитет носит Тиридат в Апаранской надписи, относя-

¹ См. „Надпись о построении армянской крепости Гарни“, стр. 39.

² См. перевод Эмина, стр. 113.

³ См. Тревер, К вопросу об античном храме Гарни, стр. 296—297.

щейся к 308 году нашей эры. Нетрудно поэтому усмотреть, что обе эти надписи, имеющие вопреки мнению Тревер одинаковые формы букв и относящиеся к одной и той же эпохе, должны быть приписаны не Тиридату I, а Тиридату III. Любопытно, однако, что Тиридат III, названный в Апаранской надписи царем Великой Армении (*μεγάλης Ἀρμενίας βασιλεύς*), в Гарнийской надписи вместо титула царя имеет титул „верховного владыки“ (*οὐσπότης*) Великой Армении.

Совершенно невероятно, конечно, чтобы основатель династии Аршакидов, Тиридат I, получивший свою корону и свой царский титул *βασιλεύς* после длительной и тяжелой борьбы с Римом, мог бы назвать себя в надписи *οὐσπότης* вместо *βασιλεύς*. В титулатуре же Тиридата III отсутствие слова *βασιλεύς*, как увидим ниже, представляет определенный интерес и имеет, вероятно, связь с политическим положением Великой Армении в двадцатых годах IV века нашей эры.

В моей работе „Месроп-Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность“ (Ереван, 1940, стр. 5) было отмечено, что в конце III века нашей эры, после сокрушительного поражения, нанесенного Галерием Максимианом Сасанидской Персии (в 297 году), Аршакидская Армения была присоединена к империи как союзная территория (*civitas foederata*). Она сделалась, как сообщает Аммиан Марцеллин (Аммиан, XXIII, 5) *iuri Romano obnoxia*. Тесная связь Великой Армении с империей видна из приведенного в так называемом Веронском листе списка римских владений, в котором рядом с Малой Арменией значится в Понтийском диоцезе также и Великая Армения (*Armenia minor, plus et maior addita*)¹. Любопытно, что и в Латеркуле Полемиа Сильвия после *Armenia minor* значится в Понте *Armenia maior*.²

Адонц и Гютербок полагают, что под Малой и Большой Арменией подразумеваются в этих свидетельствах Первая и Вторая Армения.³ Но это мнение совершенно необосновано и вряд ли действительно.

Во время централизации Римского государства при Диоклетиане и Константине Великом в положении Великой Армении произошло, по видимому, какое-то изменение, которое пока недостаточно ясно. Можно предположить, что Великая Армения, хотя и сохранила свою самостоятельность во внутренней жизни, но считалась составной частью Римского государства, была зачислена, как сказано в Веронском листе, в Понтийский диоцез и подчинялась главе этого диоцеза. Любопытно в этом отношении, что в Истории Агафангела в письменном обращении Тиридата III к своему народу Великая Ар-

¹ См. Codex veronensis у Seeck'a, *Notitia dignitatum*, 1872, стр. 248.

² См. *Laterculus Polemi Silvi* у Seeck'a, *Not. dign.*, 1872, стр. 251 и сл.

³ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, стр. 87; К. Гютербок, *Römisch—Armenien und die römischen Satrapen*, Königsberg, 1900, стр. 25.

меня названа дастакертом, т. е. поместьем римских императоров.¹

При Константине Великом, целью которого было полное объединение империи, Аршакидская Армения, отношения которой к империи определились на основании особого договора,² повидимому, еще теснее срослась с Римским государством, и вполне возможно, что она считалась уже не царством, а органической частью империи.

Заманчивым было бы ввиду этого видеть в имеющемся в Гарнийской надписи титуле Тиридата *δεσπότης* вместо *βασιλεὺς* современное свидетельство о приниженном политическом положении Великой Армении в первые годы правления Константина Великого (324—337 г.). Лишение царского титула царей Аршакидов, несомненно, должно было вызвать в Армении недовольство и раздражение. Вскоре, однако, этот конфликт был, повидимому, улажен мирным путем самим же Константином Великим. Как сообщают греко-римские источники, уже в сентябре 335 года император Константин Великий провозгласил сына своего брата Далматия, Аннибалиана, „царем царей“, одел его в царское пурпуровое платье и послал в Кесарию, назначив его верховным правителем понтийских народов.³ Согласно свидетельству Аврелия Виктора, верховной власти „царя царей“ Аннибалиана были подчинены как Великая Армения, так и другие близлежащие союзные страны. Теперь, конечно, главы всех этих стран могли сохранить свои титулы *βασιλεὺς*, так как сам Аннибалиан имел высокий титул „царя царей“.

Отсутствие термина *βασιλεὺς* в титулатуре Тиридата III, как мы видим, представляет интерес не только для интерпретации самой надписи, но также и для выяснения политического положения Великой Армении в составе Римской империи. Этот вопрос совершенно нов и нуждается, конечно, в специальном исследовании.

* * *

Принадлежность новонайденной Гарнийской греческой надписи Тиридату III, как мы видим, устанавливается с полной определенностью. Более трудным, однако является вопрос о времени построения Гарнийского храма.

Как известно, европейские путешественники, видевшие и описавшие крепостные постройки Гарни в первой половине XIX века, относили Гарнийский храм к ранней эпохе римского искусства.⁴

¹ Агафангел, гл. XII, 127, стр. 73 (1913).

² См. Агафангел, гл. CXXVI, 877 (изд. 1913); Моисей Хоренский, III, 5 и др.

³ См. Anonymus Valesius, Chron. min. I, стр. 11 (ed. Mommsen); Aurelius Victor, Epitome de Caesaribus, XLI, 20; Chronicon Paschale I, 531,16—532,3 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Bonn, 1832) и Zosimos, II, 39,2.

⁴ См. J. Morier, A second journey through Persia, Armenia and Asia Minor, London, 1818, стр. 339; R. Ker-Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia (1817—1820), vol. II, London, 1822, стр. 624—629, Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase (1833—1834), vol. III, Paris, 1839, стр. 386—402.

Однако этот взгляд подвергся коренному пересмотру в позднейших трудах.

Новые взгляды были высказаны об этом после обследования храма на месте. Систематические разведки в Гарни, связанные с раскопками храма, были произведены в 1909—1911 гг. Н. Я. Марром при ближайшем сотрудничестве Я. И. Смирнова и при участии архитектора К. К. Романова. В результате этих раскопок были выяснены план и детали храма, которые почти полностью сохранились.

Как указывает Тревер, Я. И. Смирнов и Б. В. Фармаковский считали храм Гарни римской постройкой Аршакидской эпохи, именно конца II или начала III века нашей эры.¹ Такого же мнения был М. И. Ростовцев, который полагал, что храм был посвящен имени императора, и приписывал решающую роль в его постройке римским легионерам, находившимся в крепости Гарни во II—III вв. нашей эры.²

Архитектор Н. Бунятян, давший обмеры и чертежи деталей памятника, относил храм, как было указано выше, ко второй половине I века нашей эры и полагал, что Тиридатом I, привезшим с собой из Рима мастеров и художников, не только был восстановлен город Арташат, но был построен также храм Гарни. Этому же мнению придерживались, как мы видели выше, Лисицян, Абрамян и Токарский, а еще раньше также Тораманян в своих поздних работах.³

В противоположность вышеприведенным мнениям, К. В. Тревер, как было уже отмечено, считает наиболее вероятными годами сооружения храма 115—117 гг., когда Армения при Траяне была обращена в римскую провинцию. К концу I или началу II века, т. е. ко времени не позже Адриана (118—138 гг.), относил храм также К. К. Романов в своих докладах, прочитанных после раскопок в 1910—1911 годах. Чтобы определить время памятника, как Романов, так и вышеупомянутые ленинградские археологи, исходили, главным образом, из сравнения архитектурного стиля и форм храма с стилем и формами аналогичных памятников Римской империи. Любопытно, однако, что в своей позднейшей работе, напечатанной в Известиях ГАИМК (вып. 100, 1934, стр. 654), Романов, основываясь на новом анализе особенностей Гарнийского храма, счел возможным отодвинуть его дату к эпохе царя Тиридата III, т. е. ко времени конца III—начала IV века нашей эры. Той же точки зрения придерживался в своих старых работах, повидимому, под влиянием Монсея Хоренского, архитектор Тораманян, считавший Гарнийский языческий храм царской приемной залой Тиридата III.⁴

¹ Тревер, К вопросу об античном храме в Гарни, стр. 294.

² См. К. К. Романов, Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра, Известия ГАИМК, вып. 100, Ленинград, 1934, стр. 651.

³ Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, Ереван, 1942, стр. 167 и 174.

⁴ Там же, стр. 282 и 357.

Все вышеупомянутые исследователи время сооружения храма, как мы видим, определяют, главным образом, или путем изучения его стиля и формальных признаков, или же на основании свидетельства Моисея Хоренского, приписывавшего строения в Гарни Тиридату III. Однако попытки их датировать храм, базируясь на этих основаниях, не привели их к окончательному выводу. Нетрудно, прежде всего, убедиться, что ссылки на Моисея Хоренского не могут иметь значения. В его свидетельстве, как мы указывали выше, речь идет не о построении Тиридатом III храма, а о „восполнении“ постройки храма, т. е. о его восстановлении. Мне кажется, из содержания также и греческой надписи можно заключить, что Тиридат III построил не самый храм, а, повидимому, соорудил в нем христианскую часовню, названную в надписи *καθολος*. Можно поэтому предположить, что языческие культовые здания, представлявшие архитектурную ценность, не только не подверглись разрушению во время утверждения христианства в Армении, но были, как полагает также и Тораманян, превращены в церкви.

Для датировки храма, повидимому, недостаточно изучение и его формальных признаков. Как указывает Романов в своей статье, помещенной в Известиях ГАИМК (вып. 100, стр. 653), храм не может быть точно датирован, „так как ни предание, ни формы не дают для этого исчерпывающих данных“.

„Датировка по формальным признакам,—пишет он,—особенно затруднительна. Сравнительная датировка сирийских и переднеазиатских памятников вообще затруднительна, а в нашем памятнике она осложняется разнохарактерностью работы“ (там же, стр. 653).

Характерно при этом, что в этой же интересной статье архитектор Романов, отказавшись от выводов своего прежнего формального анализа, вопрос о датировке храма решает на основании своего нового сравнительного анализа, согласованного им с исторической традицией, сохранившейся у Моисея Хоренского, и постройку храма предполагает в конце III—начале IV вв.

Не претендуя, конечно, входить в рассмотрение архитектурного стиля Гарнийского храма, поскольку этот вопрос должен быть разрешен специалистами-искусствоведами, я приведу лишь ниже предположения по этому вопросу архитекторов Романова и Токарского.

Как известно, храм в Гарни представляет собою обычный тип периптера, т. е. храма, окруженного со всех сторон колоннами. Главным доводом в пользу римско-этрусского типа храма считается то, что он стоял не на ступенчатом стилобате, обычном для греческого периптера, а на высоком подиуме, причем со стороны главного фасада имелся глубокий портик. Любопытно, однако, что эта архитектура храма, как указывает Тревер, могла иметь местные корни и находиться в генетической связи с строительными формами урартских храмов.

„Характерными особенностями этого типа здания, — полагает она, — являются: высокий стилобат, прямоугольное здание с фасадным портиком в шесть колонн, высокий фронто́н и двускатная крыша с акротерием“.¹

Относительно датировки других особенностей архитектуры храма Гарни мнения исследователей резко расходятся.

1. По мнению Романова, прием устройства периптера, т. е. храма с полным обводом колоннады вокруг всего здания, как в Гарни, является некоторой чертой отсталости (разрядка моя—Я. М.) по отношению к приему убранства здания трехчетвертными колоннами, прижатыми к самой стене, как это засвидетельствовано на близких по типу к Гарнийскому храму малых римских храмах *Fortunae virilis* в Риме (начала I в. до н. э.) и *Maison carrée* в Ниме (I в. н. э.).²

Напротив, Токарский, не соглашаясь с Романовым, полагает, что устройство по эллинистическому образцу колоннады и открытого портика служит доводом не в пользу поздней датировки, а, наоборот, оно указывает на более раннее время, вернее всего I в. хр. эры, когда еще были сильны эллинистические традиции, унаследованные от отмеченной интенсивным строительством эпохи Тиграна II, и римское влияние не успело пустить глубокие корни на армянской почве, в частности, в архитектуре“.³

2. Относя храм ко времени царя Тиридата III, Романов считает в нем архаизмом или упрощением отсутствие сводчатых перекрытий, обычных в ту эпоху в Передней Азии и Риме. По его мнению, перекрытия сделаны в нем архитравные или с потолком на два ската, вероятно, ввиду относительной сложности сводчатой конструкции.⁴

Не соглашаясь с этим, Токарский полагает, что при общем решении темы храма по эллинистическому образцу наличие плоских потолков не является архаизмом и вполне закономерно.⁵

3. Тот же архаизм Романов видит в форме угловых капителей и аттическом профиле баз. При чисто эллинистическо-римской глубокой резьбе в камне, капитель, как указывает Романов, имеет внутреннюю волюту под прямым углом, т. е. греческой традиции.⁶

Токарский же, напротив, полагает, что также и эти обстоятельства не могут служить доводом в пользу поздней датировки и являются характерными чертами храмов более древней эпохи эллинистического образца.⁷

Вышеприведенные возражения Токарского, мне кажется, не

¹ К. В. Тревер, К вопросу об античном храме в Гарни, стр. 299.

² Романов, Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, стр. 651.

³ Токарский, Архитектура древней Армении, стр. 21—22.

⁴ Романов, там же, стр. 651.

⁵ Токарский, там же, стр. 22.

⁶ Романов, там же, стр. 651—652.

⁷ Токарский, там же, стр. 22.

лишены основания. Они подтверждаются данными рассмотренного нами эпиграфического текста новонайденной надписи Тиридата III, из которого нетрудно заключить, что Тиридат III был не строителем языческого храма, как это полагает Романов, а реставратором его и строителем внутри храма христианской часовни.

Относительно деталей орнаментальной декорировки храма представляют интерес указания архитекторов Романова и Тораманяна, свидетельствующие об участии местных мастеров в сооружении храма.

„Поражает в здании,—пишет Романов,—при исключительном богатстве резьбы в камне, особенно акантов, а также иных растительных мотивов (плюща, винограда, „персидских бобов“), бедность знакомства исполнителей с архитектурными тягами, а иногда и простое непонимание античного мотива“.¹

Тораманян подчеркивает также, что изваяния храма, большую частью, чужды и несвойственны римскому искусству.

„Если мы будем рассматривать,—пишет Тораманян,—отдельные части изваяний, то мы найдем, что они, большей частью, чужды римскому искусству. А те части, которые приближаются к приемам римского искусства как своей симметрией, так и своим скульптурным стилем, являются также вынужденными подражаниями, находящимися под влиянием местного стиля“.²

По мнению Тревер, рельефы высекались местными армянскими мастерами, привыкшими работать в базальте, а не римскими ваятелями, работавшими в мраморе. Токарский также полагает, что при сооружении храма значительную творческую роль играли местные армянские мастера эллинистической школы.³

Этот вопрос о мастерах Романов разрешает несколько иначе. Он полагает, что мастерами, руководившими постройкой, были „люди, вышедшие из римских провинций, ближайшим образом связанных с центром, но более метрополии сохранившие традиции восточной половины империи, притом люди, несколько отсталые против новейшего зодчества Рима той эпохи“.⁴

Приблизительно такого же мнения придерживаются Смирнов, Буниatian и Лисицян, которые также считают вероятным, что храм в Гарни был построен не местными, а зарубежными или римскими мастерами.⁵

Как мы видим, в отношении даты, строителей и архитектурных особенностей Гарнийского храма среди археологов и искусствоведов царит большая разногласия.

¹ Романов, там же, стр. 652.

² Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, стр. 174.

³ Токарский, указ. соч., стр. 22.

⁴ Романов, указ. соч., стр. 654.

⁵ См. Романов, ук. соч., стр. 650; Буниatian, ук. соч., стр. 18; Лисицян, „Советакан Айастан“, 1945, № 201.

С точки зрения культурно-исторической представляет, несомненно, наибольший интерес вопрос о том, имеет ли архитектура Гарнийского храма исключительно иноземное происхождение, или же она имеет также местные корни, сродные строительству Армении эллинистической эпохи. Как известно, и по этому основному вопросу существуют два совершенно различных взгляда.

Во время доклада Романова в Обществе архитекторов (в 1911 г.) Я. И. Смирновым было высказано по этому вопросу следующее мнение: „Чтобы появились (в Армении) постройки в античном стиле, полагал Смирнов, нужна была высокая степень романизации, а ее в Армении не было. Поэтому является мысль, что этот единственный храм особого порядка и возник по мановению какого-нибудь армянского царька, который для выражения своих верноподданических чувств воздвиг храм *поmпи imperatoris*, разумеется, не по местному, а по римскому типу“.¹

Этот взгляд о завозном происхождении архитектуры Гарнийского храма не вызывал сомнений и господствовал вплоть до последнего времени. Однако, как было сказано выше, совершенно иной взгляд об этом мы находим в недавней статье Тревер, „К вопросу об античном храме в Гарни“. Она полагает, что „Гарни создан преимущественно армянскими мастерами: об этом говорит и материал, и техника, и даже отдельные детали“.² И даже более того, она указывает, что „архитектура Гарнийского храма имела какие-то местные корни и была родственна строительным формам самой Армении“.³

Как мы видим, в вышеозначенных вопросах до сих пор еще нет прочного и окончательного мнения. Археологи и искусствоведы сходятся лишь на том, что храм Гарни должен быть отнесен к эпохе Армянских Аршакидов, т. е. к I—IV вв. нашей эры.

Может ли, однако, эта господствующая точка зрения считаться твердо установленной и бесспорной?

* * *

В моей работе о греческой надписи Гарни я полагал, что Гарнийский античный храм, как видно из описания археологов характерных особенностей его архитектурного стиля, представляет собою памятник не римского искусства, а искусства и культуры эллинистической Армении. Я считал также вероятным, что этот храм должен быть отнесен не к Аршакидской эпохе, как предполагают археологи и искусствоведы, а ко времени, предшествовавшему Армянским Аршакидам. Мне кажется, что и эти мои выводы, встретившие веские возражения, хотя и нуждаются в некоторых поправках, но в своих основах остаются в силе.

¹ См. Романов, ук. соч., стр. 650.

² См. Тревер, ук. соч., стр. 298.

³ Там же, стр. 299.

Прослеживая местные корни архитектуры храма Гарни, я предположительно относил строительные приемы и технику этого сооружения к III—началу II вв. до н. э., т. е. к Ервандидской эпохе армянской культуры, подробно установленной и выясненной в недавних моих трудах.¹

Еще в 1930 году в исследовании моем „О торговле и городах Армении“ было отмечено, что до Артаксиадов в Айрарате царствовали Ервандиды или Оронтиды, столицей которых был сначала Армавир, а затем Ервандашат.² Моя недавняя работа „Армавирские греческие надписи в новом освещении“ окончательно подтвердила это мое предположение и одновременно дала возможность сделать новые выводы о Ервандидской Армении.

Армавирские надписи выяснили, что проникновение эллинизма в Великую или Большую Армению имело место еще при Ервандидах, которые, породнившись путем браков, вероятно с Селевкидами, к концу III века до нашей эры были сильно эллинизированы. Удалось также установить, что сооружение в древней Армении греческих храмов, перенесение в нее греческих статуй и слияние местных божеств с греческими следует предположить не в период царствования Тиграна Великого (95—56/5 г. до н. э.), как обычно предполагалось в исторических трудах, а во время владычества в Армении Ервандидов.

В свете этих новых фактов, как указывал я, совершенно иначе должна освещаться история развития архитектуры Армении. Находясь под влиянием традиционной армянской историографии, считавшей упомянутого у Хоренского предшественника Артаксия I, Ерванда, отпрыском Аршакидской династии, архитекторы-искусствоведы считали крайне редким наличие в Армении дохристианских памятников и древнейшую эпоху армянской архитектуры предполагали в I—V вв. н. эры.³

В действительности же, как я указывал, древнейшими памятниками армянской архитектуры следует признать отмеченные в трудах Тораманяна⁴ древности Ервандашата, Ервандакерта, Багарана, Дегора, частью Армавира и других мест, которые должны быть отнесены не к Аршакидской эпохе, как предполагал Тораманян, а к Ервандидской, т. е. к III или началу II в. до нашей эры.

Характерной особенностью архитектуры этой эпохи была одинаковая и особая строительная техника. Сохранившиеся памятники этой эпохи, как свидетельствует Тораманян, были построены из

¹ См. мои работы „Армавирские греческие надписи в новом освещении“, Ереван, 1946, стр. 45, 49—50, 56—58; „Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма“, стр. 47 и след.

² „О торговле и городах Армении“, Ереван, 1930, стр. 96—98.

³ См. Тораманян, Материалы, стр. 84.

⁴ Там же, стр. 283—285 и 330.

огромных базальтовых камней, скрепленных друг с другом железными скобами или штифтами, залитыми свинцом. Массивные циклопические стены крепостей, сложенные из крупных базальтовых блоков, были, по мнению Тораманяна, продолжением и развитием циклопических строений, существовавших в Армении в древнейшие времена.¹ Можно было поэтому предположить, что свою строительную технику, как и высокую культуру обработки камня, Ервандидская Армения унаследовала, главным образом, от урартийцев.²

Памятниками аналогичного типа были, как указывают А. С. Уваров и Н. Я. Марр, сохранившиеся на вершине Армавирского холма и в городе Ани крепостные древние постройки, тождественные по своей строительной технике с крепостными стенами и языческим храмом Гарни.³

Именно эти указания археологов на средство памятников Ервандидской эпохи с храмом Гарни привели меня к выводу, что этот храм может быть отнесен к III или началу II вв. до нашей эры. Считая это толкование вероятным, я, конечно, отнюдь не устранял возможности других толкований. И, действительно, в последнее время уже выяснено, что из огромных тесаных плит, связанных железными скобами, были сооружены в более позднее время также и гробницы грузинских питашхов, найденные в Армази.⁴ Любопытно также, что о невероятных размерах огромных могильных камней гробницы армянского царя Санатрука (конец I—начало II в. н. э.), которую не смогли открыть войска персидского царя Шапуха II (309/310—379 г.), имеется сообщение в Истории Фауста (IV, 24).

В свете этих новых данных предложенная мною датировка Гарнийского храма, базирующаяся на особых технических приемах его сооружения, оказывается, несомненно, спорной. Повидимому, особая строительная техника этого храма может быть отнесена и к более поздним временам, т. е. к эпохе Артаксиадов (189 г. н. э.—I г. н. э.) или даже к смутной эпохе, когда в Армении царствовали назначавшиеся Римом иноземные цари.

Период, начиная с III в. до нашей эры и кончая первой половиной I в. нашей эры, представляется мне тем длительным проме-

¹ Тораманян, *Материалы*, стр. 85.

² Не соглашаясь с этими моими выводами, Токарский приписывает мне мысли, которых я в своих работах не высказывал. Кладку из камней, скрепленных железными скобами, залитыми свинцом, я вовсе не приписывал урартийцам, как это утверждает Токарский („Архитектура древней Армении“, стр. X—XI). Напротив, в моей работе я несколько раз подчеркивал, что этот вопрос нуждается в специальном обследовании со стороны археологов и архитекторов (см. „Греческая надпись Гарни“, стр. 52 и 54).

³ А. С. Уваров, *Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. Протоколы Подготовительного Комитета V Арх. съезда в Тифлисе*, Москва, 1882, стр. 413—444; Н. Марр, *Ани*, Л.—М., 1934, стр. 15 и 49.

⁴ См. статью Б. Куфтина, „Очаг древневосточной культуры в Грузии“, в газете „Заря Востока“ от 10 июня 1939 г. и Г. Церетели, *Армазская билингва*. Тбилиси, 1941.

жутком времени (около 250 лет), в течение которого можно предположить постройку храма Гарни.

Как мы видим, проблема Гарнийского храма является вопросом исключительно сложным и трудным. Она нуждается в дальнейшем, более углубленном изучении. Думаю, однако, что мое основное положение о датировке храма эпохой до воцарения Аршакидов в Армении остается в силе, несмотря на возражения археологов-искусствоведов.

Такое мнение сложилось у меня на основании следующих соображений:

1. Я уже указывал в моей работе „Греческая надпись Гарни“, что в крепости Гарни, окруженной, главным образом, со стороны, обращенной к равнине, неприступными стенами, укрылся в 51 году нашей эры царствовавший в Армении Митридат и что еще в то время внутри крепости находились дворцовые постройки, вероятно и языческий храм, как об этом говорит одинаковая и особая строительная техника этих памятников.

2. Я указывал также, что архитектурные особенности этого храма имеют, преимущественно, эллинистический характер. И, действительно, как мы видели выше, архитектуре храма свойственны архаизмы эллинистической эпохи, заставляющие нас предполагать раннее происхождение памятника.

3. Явным архаизмом является, как я полагаю, и то, что храм, хотя и стоит на высоком подиуме, но окружен, как греческие храмы, в нижней части стилобатом с двумя ступенями. Как известно, римские храмы не имели непрерывного ступенчатого стилобата.

Должен отметить, что после выхода моей работы о греческой надписи Гарни вышла в том же 1946 году статья Г. Левоняна,¹ который пришел к сходной точке зрения независимо от меня. По мнению Левоняна, храм Гарни мог быть построен Тиграном II (95—54 гг. до н. э.) для статуи какого-либо из греческих богов (вероятно, для Артемиды-Анаит), вывезенной им из Малой Азии, о чем имеется сообщение в Истории Моисея Хоренского (II, 14). Доводом в пользу вышеуказанной датировки он считает архитектурный стиль храма и, главным образом, его ионического ордера колонны, которые в римских храмах позднего времени, по его мнению, не применялись.²

Вопрос о предназначении храма для статуи бога или римского императора учеными, как известно, разрешается различно. Преобладающее большинство исследователей—Я. И. Смирнов, М. И. Ростовцев, К. К. Романов, К. В. Тревер и другие—считают вероятным, что храм был сооружен одним из армянских аршакидских царей или же находившимся в Армении римским оккупационным гарнизоном и

¹ Г. Левонян, Языческий храм Гарни (на арм. яз.), Научные труды Ереванского Госуд. Унив., том XXIII, Ереван, 1946, стр. 349—365.

² Там же, стр. 356—357.

был посвящен имени какого-нибудь римского императора. При предложенной мною новой датировке храма эпохой от рубежа III—II вв. до нашей эры до второй половины I века нашей эры возможность постройки храма Гарни в честь одного из первых императоров Рима, как видим, не исключается.

Как я полагаю, прочного мнения о времени постройки Гарнийского храма пока еще нет, а имеются лишь догадки и предположения.

Можно, однако, надеяться, что решающее слово в этом темном вопросе будет принадлежать дополнительным раскопкам и новым изысканиям в районе Гарни. Вполне возможно, что при этих новых работах будет найдена подлинная надпись о строителе храма, которая полностью раскроет нам тайну Гарни.